

Йоханнес Баар. 2013

Johannes Baar. 2013

Scientia et vitae

DOI 10.15826/qr.2019.2.382
УДК 929Баар+811.112.2-112+811.161.1-112

**«УРОКИ РУССКОГО» ДОКТОРА ФИЛОЛОГИИ
ЙОХАННЕСА БААРА***

Кристина Мильш

Гамбургская ассоциация преподавателей
русского языка и литературы,
Гамбург, Германия

Борис Коваленко

Валерий Мокиенко

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

**“THE RUSSIAN LESSONS” BY JOHANNES BAAR,
DOCTOR OF PHILOLOGY**

Christine Mielsch

Hamburg Association of Teachers
of Russian and Russian Literature,
Hamburg, Germany

Boris Kovalenko

Valery Mokienko

St Petersburg State University,
St Petersburg, Russia

This article describes the personality, life, and work of Johannes Baar (1921–2018), doctor of philology, outstanding person, and organiser of seminars on the Russian and German languages in Germany and Soviet and post-Soviet Russia. The authors describe his biography in historical and social context, the circumstances of his personal life, and his vigorous humanitarian work to strengthen the interna-

* *Citation:* Mielsch, C., Kovalenko, B., Mokienko, V. (2019). “The Russian Lessons” by Johannes Baar, Doctor of Philology. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 2. P. 383–392. DOI 10.15826/qr.2019.2.382.

Цитирование: Mielsch C., Kovalenko B., Mokienko V. “The Russian Lessons” by Johannes Baar, Doctor of Philology // *Quaestio Rossica*. Vol. 7. 2019. № 2. P. 383–392. DOI 10.15826/qr.2019.2.382 / Мильш К., Коваленко Б., Мокиенко В. «Уроки русского» доктора филологии Йоханнеса Баара // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 2. С. 383–392. DOI 10.15826/qr.2019.2.382

tional relations between Germany and Russia. After going through the gruelling ordeal of World War II and captivity, Baar managed to understand the “mysterious Russian soul” and did everything to restore good relations between the German and Russian peoples. Baar was an extraordinary person with a broad outlook, brilliant erudition, and an ability to gather friends and like-minded people around himself. Baar’s life’s work was to spread the Russian language in Germany. In the tense years of postwar misunderstandings, he bridged the gap between Germany and Russia. Baar’s activity relating to the teaching and popularisation of the Russian language received international recognition. He established the oldest International Russian Seminar in Germany in Timmendorfer Strand, which has been working for 53 years and is known all over Europe.

Keywords: Doctor Johannes Baar; Seminar of the Russian language; Timmendorfer Strand; Germany.

Рассмотрены личность, жизнь и деятельность Йоханнеса Баара (1921–2018), доктора филологии, выдающегося человека, организатора семинаров русского и немецкого языка в Германии и в советской и постсоветской России. Авторы на основе его военных писем и высказываний описывают биографию в историко-социальном контексте и обстоятельствах личной судьбы и активной гуманитарной деятельности. Пройдя через суровые испытания Второй мировой войны, пережив плен, Й. Баар сумел понять «загадочную русскую душу», сделал все, чтобы восстановить добрые отношения между немецким и русским народами. Й. Баар был неординарным человеком, обладавшим широким кругозором, блестящей эрудицией, умением собрать вокруг себя друзей, единомышленников. Делом всей его жизни стало распространение русского языка. В напряженные годы послевоенного непонимания он стал человеком, наводившим мосты между Германией и Россией. Й. Баар – организатор и создатель старейшего в Германии Международного семинара русского языка в Тиммендорфер Штранде, работающего уже 53 года и получившего общеевропейскую известность.

Ключевые слова: доктор Йоханнес Баар; семинар русского языка; Тиммендорфер Штранде; Германия.

29 октября 2018 г. на 98-м году ушел из жизни человек-легенда, выдающаяся личность, блестящий популяризатор русского языка, организатор семинаров русского и немецкого языка в Германии и в советской и постсоветской России, создатель и организатор Международного ежегодного семинара русского языка в Тиммендорфер Штранде, доктор филологии Йоханнес Баар [Вербицкая, Коваленко, Рогова, с. 118].

Кто же он, этот необыкновенный человек, чья судьба – это летопись целой эпохи? Его удивительная биография поражает. Бывший немецкий офицер, он прошел через суровые испытания Второй мировой войны и плена, но не только не пал духом, не очерствел душой,

но сумел понять «загадочную русскую душу» и полюбил советских людей и русский язык, «сделал, кажется, все, что может сделать человек, чтобы восстановить добрые отношения и чувства между нашими народами» [Рогова, с. 103]. В послевоенной Германии доктор Й. Баар стал выдающимся популяризатором русского языка и русской культуры.

Блестящая эрудиция, великолепные организаторские способности, удивительная настойчивость в достижении поставленной цели, умение собрать вокруг себя друзей, учеников, единомышленников, исключительные личные качества – все это в полной мере дало себя знать в главном деле его жизни – создании международных семинаров русистов и германистов в Федеративной Республике Германии и Советском Союзе [Васильев, Васильева; Васильев, Коваленко].

Йоханнес Баар родился 7 февраля 1921 г. в поселке Хайсенбюттель (Нижняя Саксония), вырос в поселке Эльбек недалеко от Люнебурга, в 1940 г. окончил гимназию города Люнебурга. В октябре того же года стал солдатом вермахта и 22 июня 1941 г. с немецкими войсками вступил на территорию Советского Союза. «В это время, – писал Й. Баар, – я испытывал смешанные чувства: уверенность в победе и страх перед неизвестностью. Хочется верить, что на фронте судьба берегла меня для чего-то очень важного в будущей жизни. Но одно я знаю точно: без личных переживаний на войне и в плену меня бы никогда так не увлекли русский язык, Россия и ее люди» [Баар, 2005б, с. 124]. Он был призван в армию солдатом артиллерийского полка, после окончания курсов офицерского состава стал лейтенантом, воевал на Восточном фронте. 8 мая 1945 г. в Курляндии (современная Латвия) попал в советский военный плен.

На советско-германском фронте в 1941–1945 гг. Й. Баар прошел нелегкий путь. Придя в Россию молодым немецким солдатом-новобранцем, верившим в правоту миссии «похода на Восток», он многое пережил и сумел увидеть, понять и полюбить чужую страну.

28 ноября 1946 г. Й. Баар вернулся на родину. После всех испытаний в 1947 г. стал студентом филологического факультета Гамбургского университета, изучал греческий, латинский и русский языки, защитил в 1952 г. диссертацию, получив степень доктора филологии, начал работать в городской гимназии, где в 1955 г. организовал кружок русского языка.

В 1964 г. доктор Баар стал руководителем профессионального семинара по русскому языку в Гамбурге. В 1966 г. он активно поддерживал инициативу земельной ассоциации преподавателей русского языка и славистов Гамбурга по организации и проведению в городе Тиммендорфер Штранде двухнедельного семинара для западногерманских русистов. В этом небольшом фешенебельном курортном городке он нашел единомышленников: идею русского семинара поддерживали директор школы-интерната, бургомистр Лангрен и курдиректор Шёнау, которые прошли, как и он, горнило Второй мировой войны и побывали в русском плену. С 1968 по 1995 г. доктор

Баар руководил тиммендорфским семинаром русистов, получившим широкое международное признание и авторитет. В 2015 г. семинар отметил «золотой юбилей» [Коваленко, Мильш]. Доктору Баару удалось создать на нем уникальную атмосферу духовной близости, взаимопонимания, открытости, интеллектуальной свободы и ни с чем не сравнимой человеческой дружбы. «Две недели России» в сердце Германии значили очень много: это был настоящий искренний диалог между Западом и Востоком.

Во времена холодной войны доктору Баару удалось получить разрешение проводить семинары по тиммендорфскому образцу в Советском Союзе, а затем в России и на Украине, сначала в Симферополе (1973), а затем и в других городах. В 1977–1989 гг. подобный семинар работал в Киевском университете им. Т. Шевченко. В период советской перестройки семинары активно функционировали в Москве, Ленинграде, Минске и др., сохранив популярность до начала XXI в.

Многие немецкие слушатели семинара в Тиммендорфер Штранде не просто осваивали русский язык или совершенствовались в его познаниях, но и узнавали Россию и русские реалии со всеми их плюсами и минусами, что способствовало более глубокому взаимопониманию народов. И именно доктор Баар открывал им глаза на неведомую Россию, находя свой ключ к каждому участнику, учитывая его интересы и личность. Он рассылал анкеты, внимательно выслушивал просьбы и рекомендации, знал всех по именам и вел с каждым «тиммендорфцем» личную переписку. Немало участников семинара отправлялись с ним в поездки по России и Украине, открывая новые горизонты межкультурного общения.

В 1990 г. доктору Й. Баару удалось открыть новый языковой семинар в Тиммендорфер Штранде для советских студентов-германистов. Первыми его участниками были 30 студентов из Ленинграда, Симферополя и Смоленска. На этот семинар уже 27 раз приезжали студенты-германисты из России и Украины, чтобы жить в одном общежитии и учиться вместе с немецкоговорящими студентами, изучающими русский язык. Немецкие слушатели после такого общения без страха и сомнения посещали и посещают Россию – от Калининграда-Кёнигсберга до Камчатки и Берингова пролива. Немало тиммендорфских слушателей связали свою профессиональную карьеру с Россией и вовлечены в общий российско-немецкий бизнес, в систему образования, культурный взаимообмен.

Делом всей жизни Й. Баара стало распространение русского языка. В напряженные годы послевоенного непонимания он стал человеком, наводившим мосты между Германией и Россией. В книге «Урок русского: фронтовые письма немецкого лейтенанта» Баар писал: «Я попытался выучить русский язык, познакомиться с людьми этой страны. И уже на протяжении десятилетий я пытаюсь делать все для распространения этого языка, оптимистично веря, что разговор

с людьми другой нации является основой для равноправия, избавляет от комплексов, содействует заботе о ближнем» [Баар, 2005а, с. 179]¹.

К этой мысли и делу всей своей жизни доктор Й. Баар пришел, прорвавшись сквозь барьеры немецко-русского непонимания и ненависти. В его книге этот путь прослеживается трассирующими пунктирами «хождения по мукам». Приведем несколько фрагментов из этой правдивой летописи – подлинных писем молодого немца Йоханнеса Баара родным и невесте из далекой России в Германию.

An meine Eltern Den 21. VI. 1941.

Abend vor dem Einsatz! – Eben haben wir unser Biwak im Walde abgebrochen, heute nacht geht's in Bereitstellung und dann in den Kampf! Ich kann es mir kaum vorstellen, die Luft ist so friedlich, die Vögel zwitschern, und die Sonne strahlt mild herab vom Abendhimmel. Aber seit einigen Tagen ist es uns zur Gewißheit geworden, was niemand so richtig glauben wollte: Der Bolschewismus wird mit Stumpf und Stiel ausgerottet werden, und wir nehmen entscheidenden Anteil daran! Morgen marschieren wir bereits auf russischem Boden. Es werden ungeheure Anforderungen an uns gestellt werden, da die Wege sehr schlecht sind, und wir uns im Anfang an die motorisierten Truppen halten müssen! Kilometerweite Wälder liegen vor uns.

Ich kämpfe mit dem ersten Geschütz unserer Batterie. Ich bin mit bei den ersten, die zum Schuß kommen. Auf uns allen liegt eine dumpfe Spannung, die ihrer Lösung wartet. Galgenhumor wird laut – und schon denkt man an den... Urlaub nach dem Einsatz! Am meisten freue ich mich, daß der Führer seinem Programm treu bleibt und dem Bolschewismus kein Pardon gibt [Баар, 2005а, с. 28]².

An meine Eltern 12. Dezember 1941.

Gestern Nachmittag hörten wir unsern Führer im Bunker unseres Chefs. Einige Offiziere der Infanterie waren noch da und dann unsere ganzen Leute hier vorne, so 15–20 Mann. Es war doch erhebend, nach langer Zeit mal wieder aus dem Funkapparat – wir hörten über den finnischen Rundfunk – die Stimme Adolf Hitlers zu vernehmen. Das Erlebnis ist doch ganz anders, als wenn man 10 Tage später die Worte in der Zeitung liest. Wie herrlich war es,

¹ Перевод писем М. П. Клочковского и К. Мильш.

² *Родителям 21 июня 1941 г.* «Вечер перед наступлением! Только что мы свернули нашу стоянку в лесу. Сегодня вечером все будет приведено в состояние боевой готовности, и затем – в бой! Я с трудом себе это представляю: воздух такой мирный, щебечут птички, а солнце мягко светит в вечернем небе. Но уже несколько дней, как нам стало ясно то, во что никто по-настоящему не хотел верить: большевизм будет вырывать с корнем, и мы будем принимать в этом решающее участие! Завтра мы уже вступим на русскую землю. Нам предстоит предпринять чудовищные усилия, так как их дороги очень плохи, и вначале нам придется держаться моторизованных войск! Перед нами километры лесов. Я воюю при первом оружии нашей батареи. Я с теми, кто первым выстрелит в бою. Надо всеми нами витает и ищет выхода неясное напряжение. Звучат мрачные шутки, полные черного юмора, – и уже приходят мысли об... отпуске после наступления! Больше всего я радуюсь тому, что фюрер остается верен своей программе и не собирается щадить большевизм» [Баар, 2005а, с. 29].

als er auf den Hauptschuldigen dieses Weltkrieges zu sprechen kam, als er dem Judenfreund Roosevelt den Krieg erklärte. Endlich hat er seinen Krieg. Hoffentlich machen wir und der Japaner ihm die Hölle so heiß, daß er die Lust am Geschäftemachen verliert. <...>

Lachen mußten wir aber doch, als einer der Infanterieoffiziere auf die Kriegserklärung sagte: „Urlaub 1948!“ [Баар, 2005а, с. 38]³.

An meine Eltern Südostwärts des Ilmensee, am 1.VII.1942.

Heute haben wir mal wieder den ersten. Noch drei Monate, und ich habe meine zwei Jahre voll. Heute vor einem Jahr passierten wir morgens die litauisch-lettische Grenze. Morgens sahen wir Zarasai als erste zerstörte Stadt. Später sahen wir oft Ruinen und Trümmerhaufen, da waren wir abgestumpft. Aber zuerst hinterließ dies trostlose Bild von Steinhaufen und hier und da stehengebliebenen Schornsteinen, den versengten Bäumen und den Menschen, die im Schutt herumscharrtten, oft einen tiefen Eindruck. Am 2. Juli zogen wir durch Dünaбург. Manche meinten, wir zögen weiter nach Riga, die meisten nahmen an, daß Leningrad unser Ziel sei. Beide täuschten sich [Там же, с. 104]⁴.

An meine Eltern S. d. I., am 17.VII.42.

Es ist schon gleich 9 Uhr, ich bin müde. Der Nachmittag brachte uns gewaltige Überraschungen: ein plötzliches Trommelfeuer des Russen vor uns, man sah nur noch eine schwarze Rauchwand. Unheimlich. Dann schossen wir, ich half wieder am Geschütz, zwei schwere Granaten sausten dicht neben uns... [Там же, с. 110]⁵.

³ *Родителям 12 декабря 1941 г.* «Вчера после обеда мы слушали речь нашего фюрера в бункере нашего командира. Присутствовали некоторые офицеры пехоты и все наши здесь, на переднем крае, всего 15–20 человек. За долгое время снова услышать – мы слушали через финскую станцию – по радио голос Адольфа Гитлера – это поднимает дух. Впечатление совсем другое, чем когда десять дней спустя снова читаешь те же слова в газете. Какое прекрасное чувство испытал я, когда он заговорил о главном виновнике этой мировой войны, когда он объявил войну другу евреев Рузвельту. Вот ему его война. Надеюсь, мы и японцы зададим ему такого перцу, что у него пропадет желание заниматься темными делишками. Ну мы и посмеялись, когда... один из офицеров пехоты в ответ на объявление войны сказал: “Отпуск в 1948-м году!”» [Баар, 2005а, с. 39].

⁴ *Родителям юго-восточнее озера Ильмень, 1 июля 1942 г.* «Сегодня снова первое число. Еще три месца, и у меня будет полных два года службы. Год назад в этот день мы утром переходили литовско-латвийскую границу. Утром видели Зарасай – первый разрушенный город. Позднее нам часто приходилось видеть руины и развалины, но мы уже очерствели. А поначалу эта безутешная картина – куча камней и то тут, то там торчащие печные трубы, опаленные деревья и люди, копошащиеся в мусоре, – оставляла глубокое впечатление. 2 июля мы шли через Дюнабург. Некоторые думали, мы пойдем дальше на Ригу; большинство полагало, что наша цель – Ленинград. И те, и другие ошиблись» [Баар, 2005а, с. 105].

⁵ *Родителям юго-восточнее озера Ильмень, 17 июля 1942 г.* «Уже скоро 9 часов вечера, я устал. Вторая половина дня преподнесла нам мощные сюрпризы: неожиданный ураганный огонь русских – перед нами стояла только дымовая завеса. Ужасно. Потом открыли огонь мы, я опять помогал у орудия, две тяжелые гранаты просвистели совсем рядом с нами...» [Баар, 2005а, с. 111].

An meine Verlobte 30.III.1943.

Ich habe gerade festgestellt, daß ich Ende August 1941 schon mal hier war. Etwas weiter rauf allerdings, heute sitzt der Russe da. Aber damals war noch die Zivilbevölkerung da, die Häuser standen noch, und die Bäume trugen Laub. Heute – haben wir schon gesagt – muß es mindestens in der Nacht hier so aussehen wie im Weltkrieg in der Champagne. Im Schein der Leuchtkugeln ragen im ehemaligen Dorf zerschossene Bäume empor. Die Häuser sind verschwunden. Und dann überall Matsch, Gräben und Wasser... [Там же, с. 128]⁶.

An meine Verlobte 16.XII.1943.

Heute morgen beim Aufstehen war ein Brief von Dir da und einer von Vati. – Günther vermißt! Kri, ich verstehe Deinen Schmerz, wie schwärmtest Du für Dein Brüderchen! Ich kann es kaum fassen, gestern Abend las ich die Anzeige vom Heldentod Hermann Biensfeldts und nun der vierte aus der Klasse! Und Günther war immer so von seinem stolzen Beruf begeistert und er erfüllte so unbedingt seine Pflicht, daß ich ihn oft beneidet habe. Und wie wird Mutti es ertragen, daß ihr Junge nicht wiederkommen soll! – Die Hoffnung auf Gefangenschaft bleibt ja vorläufig noch, aber die Angloamerikaner pflegen dies ja mitzuteilen.

Ich glaube, wir heiraten doch im neuen Jahr. – Schon die Opfer all unserer jungen Kameraden verpflichten uns dazu, denn wir kämpfen doch für ein lebendiges Deutschland! Ich war heute morgen auch drauf und dran, den Mut sinken zu lassen, aber wir müssen hart sein.

– Ich möchte nun bei Dir sein [Там же, с. 144]⁷.

An meine Eltern Südwestlich Dünaburg, am 2.VIII.1944.

Die Kämpfe dauern an. – Neulich ist Lt. Steffen gefallen, mit ihm war ich schon bei der Arie in Demjansk zusammen. Lt. Möhring soll auch gefallen sein, dann wäre ich noch der einzige von uns umgeschulten Artilleristen.

⁶ *Невесте 30 марта 1943 г.* «Я только что установил, что уже был здесь в конце августа 1941 года. Правда, немного подальше на восток; теперь там сидят русские. Но тогда здесь еще было гражданское население, еще стояли дома, и на деревьях была листва. Сегодня – мы уже сказали – пусть хотя бы ночью здесь будет так же, как во время мировой войны в Шампани. В свете трассирующих пуль в бывшей деревне возвышаются расстрелянные деревья. Домов нет – исчезли. И везде слякоть, траншеи и вода» [Баар, 2005а, с. 129].

⁷ *Невесте 16 декабря 1943 г.* «Сегодня утром, как только я встал, обнаружил письмо от тебя и одно от папы. Гунтер пропал без вести! Кри, я понимаю твою боль, ты так любила своего братика! У меня в голове не укладывается: вчера вечером я прочел объявление о гибели смелых Германа Бинсфельдта, а теперь четвертый из класса!

А Гунтер всегда так гордился своей профессией и так неукоснительно исполнял свой долг, что я ему часто завидовал. А как мама вынесет то, что ее мальчику не суждено вернуться! Конечно, надежда на то, что он попал в плен, еще остается, но англичане и американцы обычно это сообщают.

Думаю, мы поженимся в новом году. Жертвы наших молодых товарищей обязывают нас к этому, ибо мы ведь боремся за живую Германию! Я сегодня утром чуть было не пал духом, но мы должны быть тверды.

Сейчас я хотел бы быть рядом с тобой» [Баар, 2005а, с. 145].

Aber noch sind wir nicht kaputt. Wenn wir auch riesige Abschnitte besetzt haben und die Leute immer weniger werden. Aber wir wissen alle, um was es geht... [Баар, 2005а, с. 156]⁸.

Mut, sich zu erinnern.

Was verschweigen die Briefe? – Ganz und gar die Angst am Vorabend, nachdem wir den Tagesbefehl gehört hatten. Von einem Krieg auf Gnade und Ungnade war die Rede, dessen Gnadenlosigkeit sich in dem hingeschriebenen Satz widerspiegelte, Der Bolschewismus wird mit Stumpf und Stiel ausgerottet werden. Zwar sah ich bald russische Gefangene, eine mögliche eigene Gefangennahme war jenseits aller Vorstellungen. Die Zukunft gehörte dem Endsieg und erschöpfte sich in düsteren Visionen eines lebenslänglichen Wehrbauern am Ural. Auch die Aufenthalte in der Heimat versperrten einer eigenen, privaten Zukunft den Weg.

Ich zitiere aus einem Brief an meine Braut: „Frag mich nur niemals, wann der Krieg ein Ende hat und fange nie an zu hoffen im Brief, ob es diesen Herbst wohl so weit ist...“ Am 6. März 1942 schrieb ich: „...wenn wir den Krieg verlieren, wird das Elend viel größer sein, deshalb opfern und opfern, auf daß der Sieg unser werde“. Was ich niemandem schrieb: Im August 1941 mußten wir aus vermutlich taktischen Gründen etwas zurückgehen. Vor uns, jetzt jenseits der Linien, brannte ein Haus. Wir hörten Schreie. Man erzählte, es seien russische Gefangene, die man in dies Haus gebracht habe, das man nach Vernagelung der Fenster und Türen dann angezündet habe. – Wer war „man“? Gab es Truppen hinter uns, von deren Tun wir nichts ahnten? Jetzt aber schleppten wir dieses Bild mit uns herum [Там же, с. 176]⁹.

⁸ Родителям юго-западнее Дюнабурга, 2 августа 1944 г. «Бои продолжаются. Недавно погиб лейтенант Штеффен, мы с ним были вместе еще в котле под Демянском. Лейтенант Мёринг тоже, должно быть, погиб, так что я, значит, остался единственный из наших переученных артиллеристов.

Но мы еще не побеждены, мы еще живы. Даже если мы и заняли громадные участки территории, и людей становится все меньше. Но все мы знаем, о чем идет речь...» [Баар, 2005а, с. 157].

⁹ Мужество вспоминать. «О чем умалчивают письма? О страхе, полностью завладевшем нами накануне, после того как мы услышали приказ по части. Речь шла о войне немилосердной и беспощадной, что нашло свое отражение в словах: „Большевизм будет вырван с корнем“. Хотя вскоре я увидел русских военнопленных, представить себе, что в плен могут взять меня, было выше моего понимания. Мы должны были победить, в крайнем случае будущее исчерпывалось мрачными видениями, в которых я представал на всю жизнь вооруженным крестьянином на Урале. Пребывание на Родине также рисовало картины неясного будущего в личном плане.

Вот цитата из моего письма невесте: “Только никогда не спрашивай меня, когда закончится война, и не пиши с надеждой, что, может быть, это произойдет осенью...” 6 марта 1942 года я писал: “...если мы проиграем войну, беда будет намного больше, поэтому надо жертвовать и жертвовать собой, чтобы победа стала нашей”.

Чего я не писал никому: в августе 1941 года, возможно, из-за каких-то тактических соображений нам пришлось отступать. Перед нами, теперь по ту сторону фронта, горел дом. Мы слышали крики. Говорили, что это русские пленные, которых заперли в доме и, заколотив двери и окна, подожгли его. Кто это был? Какие-то войска, шедшие за нами, о действиях которых мы не подозревали? Но теперь мы должны были жить с этой картиной перед глазами» [Баар, 2005а, с. 177].

Am 8. Mai 1945, um 14 Uhr, beendete ein Telefonanruf den Krieg. „Ab 14 Uhr ist Waffenruhe...“ Die Russen wußten es nicht, reagierten aber auf unsere weißen Fähnchen mit den gleichen Gesten. Eine zehnfache Übermacht stand vor uns und verlangte den Abzug in die Gefangenschaft. Wir gingen [Там же, с. 176]¹⁰.

Ich blieb am Leben. Ich war frei, konnte erstmalig an die Zukunft denken, an die Gründung einer Familie, an eine Heimkehr in Frieden [Там же, с. 176]¹¹.

Оглядываясь на свой жизненный путь, доктор Йоханнес Баар в своей книге написал:

Меня всю жизнь сопровождала мысль: я пришел в Россию, эта война была и моей войной, это была большая часть моей юности. Может быть, миллионы погибших с той и другой стороны помогут нашей памяти сохранить в ней не фашистов и большевиков, а немцев и русских, а также тому, чтобы наша молодежь сблизилась, чтобы ей было хорошо в Европе – общей Европе и общем мире. Лучшего примирения, заставляющего забыть о могилах и окопах, я не могу себе представить [Там же, с. 179].

Деятельность Йоханнеса Баара, связанная с преподаванием и популяризацией русского языка, получила мировое признание. Он был избран почетным доктором Санкт-Петербургского государственного университета (1990), награжден федеральным крестом «За заслуги» (Германия, 1996), в 1985 г. был удостоен высшей награды Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ) – медали А. С. Пушкина [Коваленко, с. 112], неоднократно избирался вице-председателем Федерального союза преподавателей русского языка ФРГ.

Список литературы

Баар Й. Урок русского : Фронтовые письма немецкого лейтенанта / предисл. Л. А. Вербицкой. СПб. : Филол. ф-т СПбГУ, 2005а. 183 с.

Баар Й. Язык до Симферополя доведет (из истории семинаров немецких русистов) // Черное море. 2005б. № 1. С. 124–129.

Васильев В. В., Васильева О. А. Язык до Симферополя доведет : К 90-летию со дня рождения доктора филологии Йоханнеса Баара // Уч. зап. Таврич. нац. ун-та им. В. И. Вернадского. Сер. Филология. Социальные коммуникации. Т. 24 (63). 2011. № 1. Ч. 1. С. 411–415.

Васильев В. В., Коваленко Б. Н. Доктор Йоханнес Баар – патриарх немецкой русистики // Русский язык за рубежом. Спец. вып. Русистика Германии. 2017. С. 90–95.

Вербицкая Л. А., Коваленко Б. Н., Рогова К. А. Памяти Йоханнеса Баара // Мир русского слова. 2018. № 3. С. 116.

¹⁰ «8 мая 1945 года телефонный звонок положил конец войне. ”С 14 часов объявляется перемирие...” Русские не знали об этом, однако отреагировали на наши белые флажки аналогичными жестами. Перед нами стояла сила, превышающая нас в десять раз, и требовала от нас сдачи в плен. И мы сдались» [Баар, 2005а, с. 177].

¹¹ «Я остался жив. Я был свободен, мог начать думать о будущем, о создании семьи, о возвращении в мирную жизнь» [Там же, с. 179].

Коваленко Б. Н. 95 лет почетному доктору Санкт-Петербургского университета доктору филологии Йоханнесу Баару // Мир русского слова. 2016. № 1. С. 112.

Коваленко Б. Н., Мильш К. Русский язык в Германии – интенсивные краткосрочные курсы : (Международный семинар русского языка в городе Тиммендорфер Штранде) // Русский язык за рубежом. Спец. вып. Русистика в Германии. 2017. С. 10–15.

Рогова К. А. Письма с фронта. Немецкого // Мир русского слова. 2012. № 1. С. 103–104.

References

Baar, J. (2005a). *Urok russkogo: Frontovye pis'ma nemetskogo leitenanta* [Russian Lesson: Front-Line Letters of a German Lieutenant] / Preface by L. A. Verbitskaya. St Petersburg, Filologicheskii fakul'tet Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 183 p.

Baar, J. (2005b). Yazyk do Simferopolya dovedet (iz istorii seminarov nemetskikh rusistov) [With a Tongue in One's Head One Can Find the Way to Simferopol (from the History of Seminars of German Russianists)]. In *Chernoie more*. No. 1, pp. 124–129.

Kovalenko, B. N. (2016). 95 let pochetnomu doktoru Sankt-Peterburgskogo universiteta doktoru filologii Iokhannesu Baaru [95-Year-Old Honorary Doctor of St Petersburg University, Doctor of Philology Johannes Baar]. In *Mir russkogo slova*. No. 1, p. 112.

Kovalenko, B. N., Mil'sh, K. (2017). Russkii yazyk v Germanii – intensivnye kratkosrochnye kursy (Mezhdunarodnyi seminar russkogo yazyka v gorode Timmendorfer Shtrande) [Russian in Germany – Intensive Short-Term Courses (International Seminar of the Russian Language in the City of Timmendorfer Strand)]. In *Russkii yazyk za rubezhom. Spetsial'nyi vypusk. Rusistika v Germanii*, pp. 10–15.

Rogova, K. A. (2012). Pis'ma s fronta. Nemetskogo [Letters from the Front. The German Front]. In *Mir russkogo slova*. No. 1, pp. 103–104.

Vasil'ev, V. V., Kovalenko, B. N. (2017). Doktor Iokhannes Baar – patriarkh nemetskoi rusistiki [Doctor Johannes Baar – The Patriarch of German Russian Studies]. In *Russkii yazyk za rubezhom. Spetsial'nyi vypusk. Rusistika Germanii*, pp. 90–95.

Vasil'ev, V. V., Vasil'eva, O. A. (2011). Yazyk do Simferopolya dovedet. K 90-letiyu so dnya rozhdeniya doktora filologii Iokhannesa Baara [With a Tongue in One's Head One Can Find the Way to Simferopol. On the 90th Birthday of Doctor of Philology Johannes Baar]. In *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Seriya Filologiya. Sotsial'nye kommunikatsii*. Vol. 24 (63). No. 1. Part 1, pp. 411–415.

Verbitskaya, L. A., Kovalenko, B. N., Rogova, K. A. (2018). Pamyati Iokhannesa Baara [In Memory of Johannes Baar]. In *Mir russkogo slova*. No. 3, p. 116.

The article was submitted on 12.01.2019